Добавил(а) Социология
05.09.10 20:55 -

<!-- /* Style Definitions */ p.MsoNormal, li.MsoNormal, div.MsoNormal {mso-style-parent:""; margin:0cm; margin-bottom:.0001pt; mso-pagination:widow-orphan; font-size:12.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} p {mso-margin-top-alt:auto; margin-right:0cm; mso-margin-bottom-alt:auto; margin-left:0cm; mso-pagination:widow-orphan; font-size:12.0pt; font-family:"Times New Roman"; mso-fareast-font-family:"Times New Roman";} @page Section1 {size:612.0pt 792.0pt; margin:72.0pt 99.25pt 70.9pt 99.25pt; mso-header-margin:36.0pt; mso-footer-margin:51.05pt; mso-paper-source:0;} div.Section1 {page:Section1;} -->

УЛИЧНЫЕ ДЕТИ И ТЕНЕВЫЕ ГОРОДСКИЕ СООБЩЕСТВА

На протяжении 90-х годов уличные дети стали заметным явлением во многих российских городах. Лишенные родительского надзора, бродящие по улицам в поисках пропитания и развлечений, они вызывают острую тревогу в обществе. В газетных публикациях и околонаучных изданиях появляются пугающие данные о количестве таких детей (называются цифры от одного до пяти миллионов, при общем числе детей в России около 37 миллионов). В действительности же не существует надежных данных о количестве уличных детей в России (тем более, что нет единого мнения о том, каких детей считать уличными). Косвенные данные свидетельствуют о значительном росте численности безнадзорных детей, попадающих в поле зрения государственных органов и органов правопорядка, по сравнению с концом 1980-х годов. Например, к концу 1990-х годов число детей, доставляемых в Центры временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей МВД (ЦВИНПы, часто именуемые по своему прежнему названию приемниками-распределителями), возросло по сравнению с 1988 г. примерно в два раза. Увеличилось и число детских домов в стране (за последние три года – почти вдвое), теперь их более тысячи. Детские дома, школы-интернаты, муниципальные и благотворительные приюты не способны вместить всех нуждающихся. Существенную роль в системе контроля за детской безнадзорностью продолжают играть органы милиции, задерживающие детей, кажущихся им подозрительными, на улицах. Иногородних помещают для выяснения обстоятельств в приемники-распределители, а москвичей сразу отправляют домой. В приемниках-распределителях дети находятся до одного месяца, пока работники проверяют их место жительства и наличие числящихся за ними уголовных дел или побегов из детских воспитательных и исправительных учреждений. После этого детей либо доставляют домой, либо оформляют в детские дома. Через какое-то время многие из них опять оказываются на улице, чтобы снова быть задержанными и т. д. В 1998 г. из 6000 детей, доставленных в ЦВИНП Москвы, 1400 уже побывали там в этом же году.

Изучением бездомных детей в нашей стране социологи не занимались с 30-х годов. Проводились отдельные исследования воспитанников детских домов и исправительных

детских учреждений, а также детей, попадающих в приемники-распределители [1–4]. В западной социологии подобных работ также немного – основной интерес вызывают скорее причины ухода детей из дома, чем последствия их пребывания на улице. Рассматривались различные личностные патологии как детей, так и их родителей, социальный контекст ухода [5–8]. В последние годы активно изучаются такие причины детской бездомности, как насилие в семье и сексуальные домогательства со стороны взрослых [9, 10].

Особый круг проблем связан с социальными стратегиями, которые практикуются детьми, оказавшимися вне семьи и детских учреждений (детских домов, школ-интернатов и приютов). Понятие "уличные дети" трактуется нами в узком смысле – это дети и подростки в возрасте до 17 лет включительно, для которых улица представляет основную социальную и экономическую среду и которые лишены гарантированного доступа к жилью (сходное определение см. в [11, 12]). Фактически, это бездомные дети. От прочих групп детей, проводящих значительное время на улице (членов молодежных субкультур, подростков – членов уличных компаний и т. д.), их отличает необходимость самим находить средства к существованию. Тем самым они фактически лишаются детского статуса, в соответствии с которым взрослые должны о них заботиться, и становятся более или менее равноправными членами неформальных уличных сообществ, наравне с другими городскими маргиналами[1].

В последние годы в социологии и криминологии наблюдается заметный интерес к так называемым альтернативным карьерам в неформальной экономике, особенно среди молодежи [13–15]. Делаются попытки использовать применительно к уличной молодежи понятие социального капитала – исследовать их социальные связи, возможности, нормы, взаимные обязательства, которые укоренены в системе семейных, соседских, общинных связей и приобретаются при рождении и аккумулируются в течение жизни [16–18]. Так, в работе американских криминологов Хэйгана и Маккарти понятие социального капитала используется для объяснения путей, сначала приводящих молодежь на улицу, а затем (часть из них) к преступности [19]. Хейган и Маккарти отмечают, что молодые люди, попадающие на улицу, обладают ограниченным социальным капиталом. Это вызвано тем, что они, как правило, воспитываются в бедной среде, испытывающей сильное экономическое и психологическое напряжение. Результатом являются семейное насилие и отсутствие заботы о детях. Семьи не способны передать своим детям возможности, которые позволили бы тем успешно существовать в обществе. Ущербная семейная социализация приводит к проблемам в школе, непосещению занятий, а также вовлечению несовершеннолетних в делинквентные (необязательно криминальные) уличные сообщества и в тех случаях, когда они живут дома. Хэйган и Маккарти показывают, что дальнейшее погружение в систему уличных связей, знакомство с уличными наставниками и учителями, передающими молодым людям навыки и информацию, являющиеся формой криминального капитала, могут рассматриваться как процесс, в котором уличная

молодежь "рекапитализирует" свои ограниченные жизненные возможности и приобретает неконвенциональный социальный капитал, открывающий перед ними возможности "продвижения" в криминальном мире [19, p. 233].

При проведении исследования в Москве мы обнаружили целый ряд возможных перспектив, открытых бездомным детям, помимо непосредственно криминальных. Используя возможности, предоставляемые улицей, дети активно пытаются найти надежные и эффективные социальные связи, которые помогли бы им аккумулировать социальный капитал в параллельной экономике и обществе. К сожалению, в рамках нашего исследования мы не имели возможности проследить судьбы наших респондентов, и все выводы делаются на основе анализа биографических интервью, работы с фокус-группами, а также опроса экспертов.

Исследование проводилось в 1997–1998 годах в Москве[2]. В рамках исследования был проведен анкетный опрос безнадзорных детей (выборка 123 чел). Выборка была рассчитана на основании половозрастных квот, составленных по данным Центра временной изоляции несовершеннолетних правонарушителей ГУВД Москвы. Возраст опрошенных – от семи до семнадцати лет. Опрос проходил в ЦВИНП (67 интервью), в приютах разной подчиненности (24 интервью) и на улицах (32 интервью). На улице опрос проходил по случайной выборке. Мальчики составили 72% респондентов. По возрасту опрошенные распределились следующим образом: 7–11 лет – 22%, 12–14 лет – 41%, 15–17 лет – 37%.

Мы опрашивали лишь тех детей, которые хорошо понимали русский язык и могли на нем говорить. Поэтому из числа респондентов были в основном исключены нерусские мигранты и беженцы из Средней Азии, Молдовы, Закавказья и пр. Некоторое представление о местах, из которых прибывают дети в столицу, можно составить на основании данных ЦВИНП Москвы. Во второй половине 1997 г. 52% детей, находившихся в этом учреждении, были из России, 17% из Украины, 10% из Таджикистана, 8% из Молдовы, 3% из Азербайджана и 3% из Узбекистана. Примерно по 1% детей прибыло в Москву из Белоруссии, Грузии, Туркменистана, Казахстана, Киргизстана, Латвии, Литвы. Помимо анкетного опроса, было проведено двадцать углубленных интервью. Кроме того, были проведены 4 фокус-группы: одна с московскими девочками и мальчиками 9–13 лет и три с иногородними детьми – с мальчиками 9–13 лет, с мальчиками 14–17 лет и с девочками 14–17 лет. В каждой группе было по шесть человек. Также был проведен опрос экспертов – ученых, работников ГУВД Москвы и МВД, воспитателей приемников-распределителей, персонала детских приютов в Москве и Санкт-Петербурге.

Большинство уличных детей происходят из бедных семей, отягощенных алкоголизмом и применением насилия. Этиология детской безнадзорности очень сходна с той, что имела место во время беспризорности в 1920-х годах, когда значительная часть беспризорников были выходцами из неполных семей, испытывавших особые трудности в период высокой безработицы и низкой оплаты труда. В 1924 г. 28% беспризорников в Москве воспитывались только матерью, 7% – только отцом [20, p. 80]. Наши данные по неполным семьям совпадают с этими цифрами. Конечно, это совпадение является весьма условным – опросы проводились разными исследователями в разные периоды, и у нас нет достаточно подробного описания методики исследования 1924 года. Тем не менее, оно указывает на определенное сходство социальных контекстов детской беспризорности.

В рамках данного исследования сколь-нибудь достоверно определить доходы семей респондентов было невозможно. Тем не менее, 52,5% детей назвали финансовые проблемы, переживаемые их семьями, острыми или очень острыми, 30,4% недоедали, 44,6% жили в перенаселенных помещениях. Среди отцов (отчимов) было 15% безработных, среди матерей (мачех) – 30,6%. Наиболее уязвимым было положение одиноких родителей. Половина одиноких отцов и 75% одиноких матерей переживали периоды безработицы. Около трети и отцов, и матерей работали на временных работах (чаще всего в торговле), сезонных работах или попрошайничали. При этом большинство родителей прежде работали либо на производстве, либо, реже, в сфере обслуживания. Наиболее распространенные занятия родителей, называемые детьми, – продавщица в палатке, уборщица, рабочий на заводе. Немало родителей, по словам опрошенных детей, находятся в заключении. Бедность и безработица в семьях уличных детей в подавляющем большинстве случаев сопряжены с алкоголизмом или, по крайней мере, с частым употреблением алкоголя. На вопрос "потребляет ли в твоей семье кто-либо алкоголь часто и в больших количествах?" ответили утвердительно 71,7% детей. Родительское воспитание в таких семьях, как правило, предполагает частые наказания. 80% детей подвергались дома наказаниям, при этом 59,6% в среднем наказывались несколько раз в неделю. При этом телесным наказаниям подвергались 78,6%, из них 44,4% получали в результате раны и телесные повреждения. В результате невыносимых условий – насилия, недоедания, отсутствия заботы со стороны родителей – дети оказывались на улице. При этом в большинстве случаев окончательному уходу предшествовал период кратковременных побегов, непосещений школы. Две трети опрошенных нами детей ушли из дома. Это не означает, что дети покинули дом навсегда. Около 70% респондентов-москвичей периодически возвращаются домой, чтобы поспать, помыться, взять или, наоборот, отдать деньги. Оставшаяся треть оказалась на улице в результате либо семейной миграции, либо побега из детского дома или школы-интерната. Рост детской безнадзорности и бездомности является следствием социальной трансформации, произошедшей в 1990-х годах. Слом советской социальной структуры, рост бедности и безработицы оказали особенно значительное воздействие на положение семей в тех группах населения, которые никогда не имели особых экономических и социальных ресурсов и зависели главным образом от государственной поддержки.

В поисках лучшей жизни дети уходят из семьи или из детского дома. Здесь перед ними, как и перед взрослыми в такой же ситуации, открываются две перспективы: они могут либо опуститься на самое дно, пополнив ряды городских бомжей, стигматизированных бездомных с минимальным социальным капиталом, лишенных всех экономических и социальных ресурсов, либо войти в структуры теневой экономики. Мы попытаемся дать краткий анализ тех структур, которые доступны для детей и подростков. Эти структуры не являются локальными, они вписаны в широкую картину социальных связей в маргинальной среде и соединены с "большим обществом".

По сведениям московского ГУВД, около половины безнадзорных детей, задержанных на улицах, являются мигрантами. Часть из них приезжает с родителями в поисках заработков. В Москве существует целая инфраструктура мест, где живут такие семьи. Это дешевые гостиницы, квартиры, как прав ило недалеко от вокзалов, поезда, стоящие в отстойниках. Со временем ресурсы, материальные и физические, иссякают. Дети часто являются основными добытчиками в такого рода семьях, поскольку они более успешно, чем взрослые, могут заработать попрошайничеством или мелкой торговлей (например, продажей авторучек, газет или книг). Важным обстоятельством, определяющим жизненные возможности детей живущих без прописки мигрантов и бездомных, является то, что они не имеют возможности учиться. Опрос показал, что ради возможности учиться многие матери в такой ситуации пытаются сдать своих детей в приюты. Однако приюты имеют право принимать только тех детей, чьи родители зарегистрированы в Москве. Дети родителей, не имеющих прописки, в данной среде называются (и называют себя сами) маленькими бомжами. Их ряды пополняют и те молодые люди, кто, оказавшись на улице, не смог найти для себя деятельность, дающую возможность "подняться". Их устойчивая самоидентификация в этом качестве свидетельствует о том, что они входят в уже сформировавшийся социальный слой бездомных и разделяют внутренне его судьбу. Термин "беспризорники", бытовавший в 20–30-е годы, сейчас не распространен.

Большинство маленьких бомжей каждый день работают, в основном на рынках – разгружают товары, моют ларьки, делают другую случайную работу. Время от времени попрошайничают и воруют – также, в основном, на рынке. Эта деятельность помогает им выжить, но не дает стабильности и защиты, позитивных связей. Отношения здесь являются чисто функциональными, хотя иногда рыночные торговцы и помогают детям. Чаще всего помогают кавказцы – детям, которые приехали в Москву с Кавказа. Приобретение социального капитала путем вхождения в систему социальных связей, существующих на оптовых и розничных рынках, для уличных детей и подростков практически невозможно. Как показало исследование мелкооптовых рынков в Москве, проведенное фондом "Общественное мнение", для того, чтобы получить относительно хорошо оплачиваемую работу и иметь перспективы роста, человек должен либо иметь

паспорт с московской пропиской (на случай возможного контроля), либо быть рекомендованным хозяину кем-то из его знакомых и родственников. Для детей, как и для взрослых маргиналов, доступны лишь случайные плохо оплачиваемые работы.

Часто взрослые и маленькие бомжи вместе ночуют в подвалах, на чердаках (на отопительных трубах). Хотя смертность среди бездомных детей по милицейской информации невелика, все они страдают от голода, болезней, постоянно подвергаются опасности насилия. Образ жизни маленьких бомжей практически ничем не отличается от образа жизни взрослых бездомных [21, 22]. Как и взрослые, они время от времени зарабатывают себе на жизнь неквалифицированным физическим трудом, но ни одна из стратегий, как правило, не приводит к "профессионализации". В сообществе маленьких бомжей происходит эпизодический обмен материальными благами и услугами, возникает взаимная идентификация. Однако связи в нем очень слабые, а иерархические структуры не складываются. Единственно, чем отличаются маленькие бомжи от взрослых, меньшая степень принятия негативного статуса и меньшее распространение взаимной антипатии. В стремлении изменить свой статус дети пытаются примкнуть к доступным для них неформальным структурам, называемым ими "системами".

Многие опрошенные нами дети и подростки характеризовали ситуацию, в которой они вынуждены действовать, как ситуацию беспредела. Понятие "беспредел" означает,в частности, несоблюдение неформальных законов тюремного сообщества. Применительно к "гражданской жизни" этот термин стал обозначать, с одной стороны, "войну всех против всех", а с другой стороны, отсутствие защитных механизмов любого характера. В ситуации, когда люди оказываются предоставлены сами себе, они начинают искать любые способы включения в сообщество (аффилиации). Проституция является, помимо способа заработка, одной из возможных аффилиаций. Вовлечение уличных детей в проституцию бывает и насильственным. Насильственное вовлечение предполагает, как правило, обман – обманывают как родителей, так и детей, обещая работу в Москве и высокие заработки (которые должны дать, например, работа на рынке или попрошайничество). Добровольная проституция предполагает открытую вербовку. Она осуществляется как лично сутенерами, которые выискивают подходящих детей на улице, так и через объявления в газетах. В описании девочек проституция выглядит как хорошо организованный бизнес.

"Мамочка" (сутенерша) нанимает квартиру для нескольких девушек. Существует "крыша" – защита, предоставляемая либо преступными группировками, либо сотрудниками милиции. Если девушка попадет в милицию, то "мамочка" должна ее выкупить (хотя это происходит далеко не всегда, и девушек могут отправить в детский приемник или оштрафовать). Если при встрече "мамочки" с потенциальным клиентом последний покажется подозрительным, то у него могут попросить паспорт с пропиской – таким

образом, здесь существуют свои механизмы социального контроля. Заработанные деньги хранятся у "мамочки", и девушки уверены, что если они захотят покинуть "мамочку", то она выдаст им деньги и отпустит.

Положение тех девушек, которые находятся на периферии организованной проституции, гораздо хуже. Еще хуже положение бездомных детей, вынужденных торговать собой за кусок хлеба или наркотики, – но они скорее относятся к маленьким бомжам. Стать сутенершей, или "мамочкой" – мечта многих опрошенных нами девочек. Но здесь нужны связи, деньги и умения. Однако и среди несовершеннолетних есть сутенеры. Таков, например, семнадцатилетний Женя. Он, как и многие дети, начинал с вокзала, но потом "поднялся" и сейчас снимает комнату. После долгого разговора он признался, что занимается сутенерством. Когда вырастет, Женя хочет стать бизнесменом, а сутенерство, по его словам, – "это так, детское". Женя откладывает деньги и пытается накопить на будущий бизнес. Желание жить в Москве у многих иногородних девочек столь велико, что ради этого они готовы и на проституцию, которую рассматривают как важный, хотя и тяжелый первый шаг в своей московской карьере. Конечно, проституцией занимаются не только девушки. Но среди молодых людей в этой среде проституция осуждается, и о подобном опыте сообщали единицы, а подробного рассказа ни в углубленных интервью, ни на фокус-группах нам получить не удалось.

Вовлечение в проституцию уличных детей является хорошо организованным бизнесом. Доступ к этому бизнесу субъективно воспринимается участвующими в нем девочками как шаг вверх от бездомной жизни, в которой не было ни защиты, ни сколько-нибудь стабильных заработков. Осознавая опасности, которые таит проституция (болезни, вероятность насилия со стороны клиентов), они рассчитывают со временем накопить значительную сумму денег, которая позволила бы им по возвращении купить жилье, открыть свое дело или, наоборот, самим стать сутенершами. Иными словами, участие в проституции воспринимается как альтернативная карьера, риск которой в их сознании оправдывается настоящим и отложенным вознаграждением. Возможность найти легитимную занятость, которая бы позволила им выжить и накопить социальный капитал, представлялась, напротив, малореальной.

54% опрошенных нами уличных детей указали, что совершали кражи. По статистике МВД, около 9% несовершеннолетних, содержавшихся в 1997 г. в воспитательных колониях МВД, были сиротами или лишенными родительского попечения (рассчитано по [24, с. 4]). Однако далеко не все дети, эпизодически совершающие противоправные деяния и попадающие в места лишения свободы, являются членами преступных группировок. Часть уличных детей входит в группы, деятельность которых может быть как некриминальной (работа на рынке), так и эпизодически криминальной (торговля

наркотиками, воровство, квартирные кражи). Эти группы имеют весьма слабую структуру, неиерархическую систему отношений, в них отсутствуют групповые санкции. Существуют и более сплоченные группы, с более жесткой структурой и уже определенной идеологией. Это "семейки", или группировки уличных преступников. Например, в одну из группировок входят подростки одиннадцати–двенадцати лет, в основном немосквичи, которые называют себя скинхедами (скинами) или нацистами. Хотя они и настаивали на значимости для себя националистической или нацистской идеологии, но не знали ни об одной из крайне правых политических партий или объединений. Скорее всего, политическая идеология для них вторична, в то время как криминальная деятельность (воровство, грабежи) первична. В этом отличие "группировочных" от основного костяка "дворовых" (живущих дома, но принадлежащих к субкультурным группам) скинхедов, которые гораздо прочнее связаны с фашистскими и праворадикальными организациями [25].

"Группировочные" подростки, хотя и дистанцируются от "неформалов", некриминальных субкультурных молодежных групп, но заимствуют у них определенные субкультурные практики. Так, начиная со второй половины 80-х годов в их среде тоже стало распространяться увлечение музыкой; часть из них называют себя "электронными панками" или "нирванистами". Они считают "своим" Арбат, где происходит основная "тусовка" "неформалов". Специфические молодежные и политические ориентации являются для группировочных далеко не основными. Наиболее тесно они связаны с организованным преступным миром, своеобразным резервом которого и являются. Их мечта – стать преступными авторитетами. Чтобы зарекомендовать себя, молодые кандидаты в преступные группировки должны совершить определенные действия. Прежде всего, нужно приобрести "имя", по которому их будут знать в преступном мире. Имя зарабатывается делами – преступлениями, говорящими об уме и способности к риску. Помощь взрослым "авторитетам", находящимся в местах лишения свободы, оценивается как следование криминальным понятиям, нормам. Многие "понятия", нормы поведения, жаргон в этой среде пришли из тюремной субкультуры. Стремление несовершеннолетних войти в группировки связано с потребностью в защите и возможностями самоутверждения [26, с. 124]. Вхождение в группировки является частью обдуманной жизненной стратегии, рассчитанной на долгосрочную перспективу. Опрос показал, что для "группировочных" подростков криминальная карьера представляется одним из наиболее доступных и надежных способов дальнейшего жизненного устройства. Такой путь, по свидетельству наших респондентов (как детей, так и взрослых) выбирается, прежде всего, подростками, уже имевшими контакты с преступным миром (через семью, двор), опыт пребывания в исправительных учреждениях или спецшколах и спецПТУ, или выходцами из детских домов и интернатов.

Арбат

Так называемая арбатская "Система" зародилась с появлением в России в середине шестидесятых годов движения хиппи, которых затем, после расцвета так называемых неформалов в середине 80-х годов, потеснили другие молодежные субкультуры. Эти неформалы и унаследовали "Систему". Некоторые исследователи рассматривают "Система" как конгломерат молодежных групп [27]; наиболее заметные из них – "киноманы" (поклонники Виктора Цоя), хиппи, байкеры, поклонники готики, сатанисты, гопники, рэйверы, рэпперы, толкиенисты, панки. Переходы из одной одной неформальной группы в другую совершаются постоянно, а вхождение в конкретную группу для многих (а приезжих детей в особенности) – часто результат случайного стечения обстоятельств. Уличные дети стремятся войти в "Систему" ради той поддержки, которую она предоставляет своим членам, возможности найти временное пристанище – "вписку". Возможности "нисходящей" и "восходящей" мобильности на Арбате во многом зависят от возможности человека утвердиться в сообществе и получить доступ к "вписками".

Важную роль в уличных сообществах играют средства символического распознавания своих. По материалам Т. Щепанской, система "фенек" – символических предметов, обозначающих принадлежность к субкультуре, – возникла у хиппи как способ распознавания других членов системы и как способ социального контроля (феньки передавались старшими по иерархии младшим) [28]. В условиях значительного наплыва желающих вступить в сообщество "неформалов" значение "фенек" как инструмента ограничения сообщества еще более усилилось. Для того чтобы быть принятым в арбатское сообщество, новичок должен пройти испытание.

Малолетних бродяг, бомжей, проституток на Арбате не очень любят и не стремятся принимать в свои ряды (хотя те тоже считают Арбат своим). Но иногда такой человек тоже может войти в доверие к членам сообщества и получить доступ к возможностям взаимопомощи. Можно даже питаться отбросами и ночевать в мусорных баках – если ты являешься панком и демонстрируешь, что делаешь это по убеждению, а не из-за того, что ты опустился и потерял гордость.

Социальная организация на Арбате довольно гибкая, без жесткой иерархии. Основные совместные занятия – посещение концертов, потребление наркотиков. Все общение происходит, как правило, на самом Арбате, у так называемой стены Цоя, "у Фонтана" и на "пьяном дворике" за театром Вахтангова. Совместное воровство, грабежи здесь, в отличие от группировочных беспризорников, не практикуются. Вообще, воровство в этом сообществе презирается. Норма доверия распространяется как на группу, так и на окружающее общество. Безусловно, декларируемые нормы солидарности, взаимопомощи в этой среде далеко не всегда выполняются. Сила групповых связей, судя по ряду свидетельств, не столь велика. Как пишет Н. Мавлевич, "они не слишком способны

помочь друг другу: один мотылек из стаи упал, сгорел, другие и не заметили" [29].

Слабые иерархические структуры, отсутствие жестких систем контроля, подвижность субкультурных демаркаций, наличие взаимопомощи, хотя и без жестких обязательств – во всем этом "Система" занимает промежуточное место между жесткими структурами группировочных беспризорников и почти аномичным, дезорганизованным миром несовершеннолетних бездомных маленьких бомжей. При этом доступ к Системе ограничен для тех, кто наиболее остро в ней нуждается, – детей из проблемных семей, приезжих, тех, кто не обладает достаточным культурным капиталом и не может показать знание необходимых символов и понятий.

Говоря о нижних слоях социальной структуры, исследователи часто относят их к так называемому социальному дну, а значит, к зоне нищеты, безнадежности и отчуждения [30, с. 13]. По отношению к определенным группам эти представления, безусловно, верны – во всяком случае, так можно описать мир маленьких и больших бомжей, нищих, алкоголиков, неспособных наладить позитивные связи друг с др